КРОКОДИЛ

№ 23 МОСКВА 20 АВГУСТА 1951 • ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ XXX

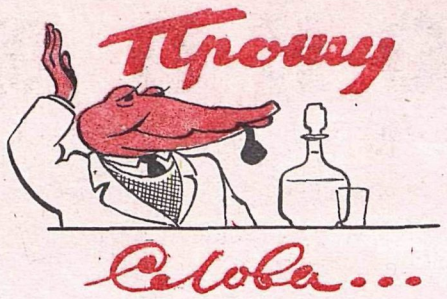
Когда взойдёшь на Ленинские горы,—
Захватит дух от гордой высоты!..

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

ПАМЯТЬ ПОДВЕЛА

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Как сейчас помню: какое-то рабочее предложение я куда-то сюда внедрил!..



СЛЫШЕН ЗВОН ИЗ ШИГОН...

СТЕНОГРАММА НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ КРОКОДИЛА НА НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СОВЕЩАНИИ В ОТДЕЛЕ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ КУЙБЫШЕВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

Крокодил. Товарищи! Не нарушу, думаю, вашу повестку дня, если просто расскажу о недавнем своём путешествии из Москвы в деревню Карловку, в колхоз «Зрелый колос».

Голос с места. А зачем вы туда ездили, в такую даль?

Крокодил. Вот потому я и поехал, что вы мало ездите. Но позвольте рассказать всё по порядку. Получили мы недавно одну бумажку. Разрешите огласить?

Голос с места. Просим!

Крокодил. Вот какая бумага: «На ваш зацрос № 27468 сообщаем, что... в настоящее время в Карловке организован красный уголок... Районный отдел культпросветработы обеспечил красный уголок шашками, шахматами, домино, газетами, журналами и другой литературой... Шигонский райком ВЛКСМ провёл и проводит ряд мероприятий...»

Написаны эти энергичные строчки такой твёрдой и уверенной рукой, что я без колебаний поместил информацию в своём отделе «Крокодил помог». Ни у кого не вызвали сомнений эти бодрые строчки. Ни у кого, кроме самих жителей Карловки...

Комсомольцы «Зрелого колоса» сообщили мне, что они и не подозревали о существовании такого расчудесного культурного очага. Они и не ведают, что у них красный уголок завален газетами, журналами, шашками, шахматами и прочим культурным имуществом. Они не приметили, что районный отдел культпросветработы ночей не спит и всё обеспечивает да обеспечивает, а Шигонский райком комсомола в поте лица проводит для них мероприятие за мероприятием.

И я начал догадываться, что автор бумаги далёк от Карловки, а от истины ещё дальше. Твёрдой и уверенной рукой написал он мне на бумаге сущую неправду. Что же было мне делать, как не ехать в Карловку самому?

Прибыл я, значит, в Шигоны. Познакомился с секретарём райкома партии тов. Кукановой. Она напутствовала меня добрыми пожеланиями. Езжай, мол, в Карловку. Счастливого пути! Сама бы рада съездить, да некогда.

Приехал на место и любуюсь: какой славный уголок Приволжья! За леском поднимаются зелёные Жигули, а кругом, как положено в страдную пору, волнуется желтеющая нива...

И волнуется деревенская молодёжь! Ребятки думают: куда бы пойти вечером? В Карловке — только тот красный уголок, который сочинён на бумаге. Одна видимость.

Прошлым летом у бабушки Агаши собрались карловские комсомольцы и уговорили добрую старушку основать в её избе нечто вроде клуба. Бабушка не связывала себя в этом соглашении никакими гарантиями, поскольку Евгений Ефимович Шелков, председатель колхоза «Зрелый колос», отказался от затрат на аренду помещения.

В день моего приезда по селу разнёсся слух о том, что прибыла кинопередвижка и тут же собирается в обратный путь, потому что бабушка Агаша будто бы расторгла соглашение с комсомолом. Вторая волна слухов утешила: кино будет! Отовсюду потащили к дому бабушки Агаши лавки и стулья. Долгожданный киносеанс наконец свершился.

Когда киносеанс кончился и зрители разошлись, в избе бабушки Агаши не осталось никаких примет клуба или красного уголка. Сельская библиотека, насчитывающая целых сто одиннадцать книжек (значительно меньше, чем указано в присланной мне бумаге), находится на дому у комсомольца Миши Ревина. Остальное имущество клуба незачем и размещать, потому что нечего размещать.

Мне, честно скажу, взгрустнулось в Карловке. На вторые сутки, вечером, вернулся я в райком партии. Первый секретарь тов. Устинович отбыл в обком по срочному вызову, а тов. Куканова была занята подготовкой к совещанию и попросила меня сделать короткий доклад работнику отдела агитации и пропаганды райкома. Отошёл я с тем товарищем в сторонку и рассказал ему всё как есть и дал ему совет побывать на месте.

Думаю, что и заведующему отделом пропаганды и агитации обкома тов. Капитонову тоже не грех там побывать. А то он, видно, лишь краем уха слышал звон из Шигон...

Голос с места. А кто же сочинил ту бумагу?

Крокодил. Кто сочинял, не знаю, а подписывал её тов. Капитонов. У меня всё, товарищи. А вы что скажете?

Рис. И. СЕМЁНОВА

ЭТЮДЫ С НАТУРЫ

— Виды разные, а картина в нашей стране всюду одна и та же!

Александр НИКИФОРОВ

ВОЗЛЕ КУЙБЫШЕВА

На реке светло и людно,
Ярок летний небосвод.
Возле Куйбышева судно
Белым лебедем плывёт.

А на нём платками машут:
Шлют девчата нам привет.
Улыбнулись парни наши
Этим девушкам в ответ.

— Заезжайте к нам, девчата,
Здесь останьтесь,— говорят,—
Хороши у нас ребята,
Поискать таких ребят...

У реки шумят машины,
Роют волжские пески.
Встанет мощная плотина
Поперёк родной реки.

Вот над нами вьётся знамя,
Знамя чести трудовой,
Мы весь край зальём огнями,
Оживим простор степной.

И проезжие девчата
Парням с палубы кричат:

— Хороши у вас ребята,
Поискать таких ребят!

К вам бы мы заехать рады
И не прочь остаться тут,
Только нас у Сталинграда
На такой же стройке ждут.

Юбилей

Д. БЕЛЯЕВ

Совещание окончилось в девять вечера.

Когда все встали с мест, начальник строительства подозвал к себе главного инженера Обухова:

— Павел Семёныч, прошу тебя задержаться, по одному делу надо посоветоваться.

Павел Семёнович сел в просторное кожаное кресло. Закурил. «Видимо, какое-нибудь срочное поручение,— подумал он, с грустной завистью глядя на выходивших.— Эх, несуразно получается!»

В этот вечер Павел Семёнович договорился с женой отметить в семейном, товарищеском кругу их общий, как они говорили, «день рождения»: двадцать лет назад на партийном собрании в Институте инженеров транспорта Обухова и его будущую жену приняли в члены ВКП(б).

Обухов на всю жизнь запомнил этот день.

...Вот он идёт на трибуну рассказать свою биографию. В душе он испытывает сильное волнение, но старается скрыть его под внешним спокойствием. Проходя мимо президиума, Обухов встречается взглядом с ректором института Евгением Николаевичем Сысоевым, давшим ему рекомендацию для вступления в партию.

«Всё в порядке! Смелее!» — говорит взгляд Сысоева.

«Спасибо»,— отвечает взглядом Обухов.

«Да...— задумчиво улыбнулся Павел Семёнович.— Хороший старик. До сих пор не теряет меня из виду. Радуется моим успехам, бранит за ошибки... Сегодня обещал быть аккуратно. А я вот задерживаюсь...»

— Павел Семёныч, что с вами?

Погружённый в раздумье, Обухов не заметил, что начальник строительства третий раз обращается к нему.

— Простите, Андрей Максимыч, задумался.

— О чём, если не секрет?

— Да так, пустяки... То есть совсем не пустяки, а наоборот.

Обухов очень уважал начальника строительства и откровенно сказал ему о своих мыслях и о сегодняшней юбилейной затее.

— Вот чудак-человек! Что же ты раньше не сказал, я бы тебя с совещания прогнал. Такие, брат, юбилеи не часты в жизни человека! Ну, поздравляю! — Он крепко пожал Обухову руку.— Да, не часты. А гостей много будет? Наших управленцев пригласил?

— Нет, Андрей Максимыч, управленцев ни одного: я счёл неудобным. Мы по-семейному решили — друзья по институту, ну ещё там кое-кто.

— Жаль. А я было тоже хотел напроситься.

— Шутите, Андрей Максимыч.

— Шутки в сторону, как сказал Христос и полез на забор со своим учеником... Ей богу, поеду, если пригласишь! Ты понимаешь, меня это очень взволновало. У нас почему-то многие забывают этот день. А ведь это... это же действительно второе рождение! Едем!..

В дороге Павел Семёнович рассказывал о Сысоеве:

— Понимаете, Андрей Максимыч, где бы я ни был, он никогда меня не теряет из виду. На фронт такие письма писал! Я, говорит, за тебя ответ держу перед партией и перед совестью своей.

— Молодец! Умница старик!

— О, вот увидите, такую критику разовьёт на юбилее, от меня клочья полетят...

...Слово для тоста по праву старшинства взял Евгений Николаевич. Он встал, погладил желтоватые пушистые усы, оглядел присутствующих, кашлянул и начал:

— Дорогие друзья мои и товарищи! Простите старика-ворчуна, но прежде чем произнести тост, я позволю себе высказать несколько критических замечаний...

— Ну, держись!..— шепнул начальник строительства, толкнув Обухова локтем.

— Так вот, отмечая этот чудесный юбилей в не менее чудесной советской семье, я позволю себе задать один вопрос одному из присутствующих...

Евгений Николаевич сделал паузу и погладил усы. Обухов улыбнулся, делая вид, что готов выдержать удары критики.

— Скажите, советский писатель товарищ Бакланов: почему среди нас не видно ни одного героя ваших книг?

Это обращение к писателю Бакланову, который в своё время тоже был воспитанником Евгения Николаевича, прозвучало так неожиданно и казалось столь неуместным, что все недоуменно посмотрели на оратора.

— Да, да! Не смотрите на меня, как на чудака, спросившего в ювелирном магазине банку горчицы. Надеюсь, что я имею право на этот вопрос, во-первых, как ваш читатель, во-вторых, как бывший ваш педагог. Вы инженер человеческих душ. Так вот, позвольте вас спросить как инженера человеческих душ: почему вас интересуют исключительно души давно умерших героев и дела давно минувших дней?.. Не подумайте, что я против истории, против прошлого. Боже упаси! Но я не понимаю советского писателя — и, между нами говоря, неплохого писателя, — который написал много книг о жизни героев девятнадцатого века и не написал ни одной повестушки о героях наших, удивительно интересных дней. А вот ещё вопрос. Прежде чем стать инженером человеческих душ, ты был инженером транспорта. Так почему же ты не написал ни одной книги о железнодорожниках? И когда наконец ты от мёртвых душ пожалуешь к живым героям? Когда будешь писать о нас? Да, да, о нас! Я знаю, что ты ответишь: «Нет темы подходящей». А тема-то за этим столом сидит. Вот она, ваша тема.— Евгений Николаевич широким жестом указал на сидящих.— Всмотритесь и вдумайтесь! Совсем новая, интересная семья... Отец и мать справляют двадцатилетний юбилей пребывания в партии. Два сына — комсомольцы. Дочь — пионерка. Это же, чёрт возьми, настоящая, хорошая, коммунистическая семья! А сколько таких семей у нас?! Тема это или не тема, я вас спрашиваю?

Как бы отвечая за всех, начальник строительства негромко сказал:

— Очень нужная, благодарнейшая тема.

— Вот то-то и оно-то. Я, например, за свою жизнь рекомендовал в партию, кроме четы Обуховых, ещё двенадцать человек. И осмелюсь, не хвастая, сказать, что любой из них в герои романа годится. Ей богу! Ну, а я? Я вам плохая тема? Плохой герой?

— Браво! Браво! Правильно!

— То-то же... Ну, я, собственно, это и хотел сказать. А теперь выпьем за будущих героев будущего романа писателя Бакланова «Семья Обуховых».

Писатель Бакланов подошёл к Сысоеву и чокнулся с ним:

— Есть «Семья Обуховых», Евгений Николаевич, вернее, будет «Семья Обуховых»!

— Ну, посмотрим, посмотрим, вернее, почитаем, товарищ Бакланов.

Когда все выпили и завязался общий разговор, начальник строительства обратился к Бакланову:

— Прежде чем писать роман о семье Обуховых, я вам советую написать фельетон на тему «Подписано — и с плеч долой».

— Только одно условие,— рассмеялся Обухов.— Писателю Бакланову запрещается выбирать героя фельетона из присутствующих на нашем юбилее.

Андрей Максимыч, хитро прищурившись, посмотрел на Обухова:

— Условие придётся отвергнуть: к сожалению, герой фельетона находится тоже за этим столом.

— Не я ли, господи?— шутливо и нараспев, по-церковному спросил Сысоев.

— А это покажет будущее,— в тон ему ответил Андрей Максимыч.— Если нет возражений, я расскажу одну историю.

— Просим, Андрей Максимыч, просим!

— Вспомнил я эту историю ещё в машине, когда сюда ехал и когда Обухов рассказывал мне, в какой строгости держит Евгений Николаевич тех, кого он рекомендовал в партию.

— Так и есть! — воскликнул Сысоев.— Попал я, как кур во щи!

— Случилось это... Впрочем, неважно, когда это случилось. Есть у нас в управлении один довольно ответственный товарищ. Так вот, однажды этот товарищ по поручению горкома поехал на один большой завод познакомиться в парторгнизации завода, как там ведётся работа с кандидатами. И вот оказалось, что у пятнадцати кандидатов в члены партии стаж с довольно длинной и седой бородой. А двое из них пять лет кандидатствуют, вроде тоже юбилей могли справлять. Возмутился представитель горкома и попросил созвать заседание партийного комитета. Пригласили на заседание кандидатов с седым стажем, а заодно и тех коммунистов, которые им дали рекомендации. Ну, заседают, как полагается, воду пьют и речи льют. Наконец взял слово представитель горкома. Говорил он немного, но очень горячо и убедительно, а закончил своё выступление так:

«Я должен прямо сказать, что если кого из кандидатов придётся исключить за пассивность, то надо будет по-серьёзному поставить вопрос и о партийной ответственности рекомендующих...»

— Правильно! — не утерпел внимательно слушавший рассказ Сысоев.

— Именно, Евгений Николаевич. Точно такие возгласы и раздались на заседании. Да. И вот в это время секретарь парткома протягивает оратору через стол какую-то пожелтевшую от времени бумажку. Оратор взял бумажку в руки, глянул на неё, и пунцовая краска стыда и смущения залила его лицо. Это была рекомендация, написанная и подписанная им собственноручно, он её дал пять лет тому назад одному из обсуждаемых кандидатов... Должен вам сказать, что вряд ли этот товарищ был когда-нибудь в более глупом и неприятном положении. Рекомендацию он давал ещё в то время, когда работал на этом же самом заводе секретарём цеховой парторганизации... Вот и вся история. Не правда ли, товарищ Бакланов, стоящая тема для фельетона?

Обухов мрачно спросил:

— Простите, Андрей Максимыч, но вы сказали, что герой этого фельетона работает сейчас у нас в управлении и тоже здесь присутствует?

— Да, я это и сейчас утверждаю.

— Тогда прошу вас объясниться. Я единственный работник строительства из присутствующих здесь, и я отвергаю...

Начальник строительства улыбнулся:

— А по-моему, Павел Семёныч, тут присутствуют два работника управления. А? Как вы думаете, Евгений Николаевич?

— Я полагаю,— ответил Сысоев,— что, учитывая самокритическое выступление второго работника управления, мы с удовольствием выпьем за его здоровье.

С места поднялся Бакланов.

— Тем более, — заявил он, — что я, как живой свидетель рассказанного, утверждаю: Андрей Максимыч так потом насел на кандидата-ветерана, что эта бездарность стала не только членом партии, но и довольно приличным писателем, конечно, с учётом критических замечаний, высказанных обо мне уважаемым Евгением Николаевичем! Ваше здоровье, друзья!

Владимир ИВАНОВИЧ

Курочка рябая

Порешили мы в артели:
Надо ферму нам поднять.
А на ферме мы имели
Кур голландских сотен пять.

Куры все белее пуха,
Гребешки, как яркий мак.
Да приехал к нам — по слухам—
Председателя свояк.

Он сказал: «У вас чудесно!
Жить здесь — просто
благодать!» —
И о том в газете местной
Обещал он написать.

Покалякал про погоду,
Про колхоз наш, про весну,
А потом записку подал:
«Выдать курочку одну».

Выбрав курицу умело,
Быстро он её унёс,
А за ним из райотдела
Замзавхоз примчал в колхоз.

Дав инструкцию, как лучше
Приучать цыплят к пшену,
Он вручил записку тут же:
«Выдать курочку одну».

«Ну-ка, девушка, быстрей-ка!
Торопись, не канитель!»
И голландку — хап за шейку,
Вмиг засунул в свой портфель.

Не успел за горку скрыться
Расторопный замзавхоз,
Как из треста «Яйцептица»
Счетовод примчал в колхоз.

Сняв почтительно фуражку
И взметнув волос копну,
Протянул он мне бумажку:
«Выдать курочку одну».

Затряслась я от досады.
Посудите сами тут:
Подымать нам ферму надо,
А «они» записки шлют!

Как не выйти из терпенья,
Не расстроиться вконец?..
Взял голландку без стесненья
Калькулятор Горобец.

Только он в калитку юркнул,
Слышу шум: «Кудах! Кудах!»
Вижу: гонятся за куркой
Чьи-то ноги в сапогах.

Я схватила палку в руки.
«Стой,— кричу я,— сатана!..»
Обернулся. Руки в брюки
И... листочек тащит:
«На!»

А на этом на листочке —
На него я как взгляну —
Та же подпись с
«кренделёчком»:
«Выдать курочку одну».

«Как так выдать?! Кто дал право
Без конца цидульки слать
И налево и направо
Кур колхозных раздавать?!»

Но мой голос, хоть и строгий,
Не подействовал ничуть:
Взял он курицу за ноги
И пустился с нею в путь.

И... пошло! Аж тошно даже!
Что ни день — веду войну,
Что ни день — поток бумажек:
«Выдать курочку одну».

И когда я осмотрелась,
Вижу: ох, дела плохи!
Что ж без кур я буду делать?
Нет, не я, а... петухи?

Я — в правленье: «Это что же?
Тут не справлюсь я одна!
Петухи хоть и пригожи,
Да без кур им грош цена!»

Взял тут слово член правленья
И такую речь повёл:
Мол, пора принять решенье
Про куриный дамский пол,

Про записки, про порядок...
Словом, ясно стало нам:
Кур вернуть на ферму надо
К овдовевшим петухам.

Только приняли решенье,
Села я за телефон
И по списку — без стесненья —
Начала звонить в район:

С замзавхозом райотдела
Разговор мой был простой.
Он сказал: «Алло! В чём дело?»
«Дело в курочке одной.

Это птичница Наташа
Из колхоза «Светлый путь».
Вы должны на ферму нашу
Срочно курицу вернуть.

Можно даже без фактуры —
Так сказал и ревизор».
Снова слышу голос хмурый:
«Ясно... Кончен разговор...»

Позвонила я до свата:
«Надо курку возвращать!»
Захлебнулся виновато:
«А нельзя её... списать?»

«Нет, нельзя. Несчастный случай:
Приезжает контролёр.
Так что, братец, ты уж лучше
Заявись на птичий двор».

Слышу охи: «Спозаранку
Курку вам пришлю свою».
«Нет, давай мою голландку,
Ту, что взял вчера... Адью!»

«Яйцептица»? Коммутатор?
Эй, послушай, молодец!
Есть у вас там калькулятор
Воробей иль Горобец?

Это вы? Прекрасно!.. Точно,
Из колхоза «Светлый путь».
Дело вот в чём: очень срочно
Надо курочку вернуть.

Что? Не хочешь слушать
вздора?
Непонятно, речь о чём?
Ну, тогда до прокурора
Мы за курочкой пошлём.

А?.. Не надо?.. Ну, не надо.
Курку сам пришлёшь?.. Давай!
Утром, значит? Очень рада...
Но, смотри, не опоздай!»

Целый день по телефону —
Хоть то было нелегко —
Куролюбов из района
Я таскала за ушко.

А наутро, спозаранку,
Ну куда ни кинешь взор,
Возвращённые голландки
Оживили птичий двор.

Так закончила войну я...
Только кто-то под шумок
Дал мне курочку рябую
Вместо белой, как снежок.

Но... беда в том небольшая,
Мы и ей откроем счёт:
Пусть и курочка рябая
В наше дело вклад внесёт.

Перевёл с украинского
Юрий КАЛУГИН

УХОД И ПРИПЛОД

Заведующая свинофермой колхоза имени Будённого, Междуреченского района, Вологодской области, депутат Верховного Совета СССР А. Е. Люскова за год и двадцать дней получила от племенной свиноматки «Июнька» приплод весом 5 300 килограммов — 171 поросёнка, включая внучатное поколение.

Дружеский шарж И. ИГИНА

Идёт молва о ней: с пелёнок
На ферме каждый поросёнок
Незаменимым признаёт
Люсковой ласковый уход!

В ВАТИКАНЕ БУЗА, В НЬЮ-ЙОРКЕ ДЯДЯ, ИЛИ ЧУДЕСА В АМЕРИКАНСКОМ РЕШЕТЕ

ЧУДО, о котором рассказывает в американском журнале «Атлантик» Босли Кроутер, редактор театрального отдела «Нью-Йорк таймса» и председатель американского союза кинокритиков,— это чудо началось в Риме и бесславно завершилось в Нью-Йорке.

Началось так.

Юная девушка жила высоко в горах и пасла стадо овец. Она была прекрасна и невинна, но красотой её могли любоваться только горные орлы, а невинности могли завидовать только овцы, так как местность была совершенно пустынной — туда не проникал ни один человек. И только иногда, в воскресные дни, девушка поражала красотой и невинностью жителей деревушки в долине, куда девушка спускалась, чтобы поставить свечу и горячо помолиться перед изображением святого Иосифа. Среди большого множества католических святых он был избранником её девичьей души.

Однажды в горах появился неизвестный бородатый человек. Он говорил с девушкой, но она впоследствии могла рассказать о нём только то, что он был бородат и что в его лице она нашла какие-то знакомые ей черты.

Бородатый был очень любезен. Она накормила его в своей убогой хижине, а он угостил её вином. Что было дальше, она не помнила, а рано утром бородатый исчез, как будто его и не было, так что девушка не знала, точно ли приходил бородатый и не привиделся ли он ей.

Однако некий след по себе бородатый всё же оставил, и это выяснилось через некоторое время, когда девушка, восхищавшая овец своей невинностью, почувствовала себя матерью. Случись бы при этом гоголевский философ Хома Брут, он сказал бы скептически: «Гм, гм». Но девушка либо не знала философии либо зачитывалась в своём уединении философскими произведениями Рассела. Во всяком случае, ей было совершенно ясно, что бородатый — это сам святой Иосиф и что то чудо, о котором поведали миру, несколько противореча друг другу, отцы-евангелисты, повторилось ещё раз, в чём ничего невозможного нет, так как чудесам закон не писан.

Выяснилось, однако, что и на чудеса есть ныне свой закон и ни одно чудо не может совершиться без надлежащей регистрации и оформления в канцелярии Ватикана. А поскольку о новых похождениях святого Иосифа ничего не было объявлено благочестивым прихожанам той деревушки, в которую девушка принесла радостный благовест о новом чуде, то ей не поверили и даже подвергли насмешкам, отдающим грубым материалистическим душком.

Почтенные матроны возмущались девушкой и склонны были обвинить её в распутстве, мальчишки не давали ей проходу, но девушка попрежнему отражала невинность если не на фигуре, то на своём лице, и вера, с которой она распростёрлась перед изображением святого Иосифа, именуя его своим супругом, приводила в умиление некоторых искренне преданных церкви людей...

Таков сюжет кинофильма, который вышел на римский экран в 1949 году и не привлёк к себе особого внимания, хотя девушку, уверовавшую в чудо без папского патента, превосходно играла артистка Маньяни. Картина вышла из надёжных по части католицизма кругов, и хотя сюжет её казался некоторым католическим критикам сомнительным и даже несколько соблазнительным, но осуждения со стороны авторитетных папских инстанций он не вызвал. Указывали на то, что невинная девушка, правда, обнаруживает сверхнаивность, но вера её так горяча и глубока, что заслуживает поощрения.

Развлекался ли сам папа роскошным видом гор и привлекательными картинами беседы красивой девушки с неким бородатым мужчиной, нам неизвестно. Босли Кроутер об этом ничего не сообщает. Но, во всяком случае, картина была известна папе, и это факт, что придирчивая ватиканская цензура никакого запрета на картину не наложила, почему она и совершала странствие по католическим экранам. Никого она не смущала в Европе, так как всем известно, что если бы даже и произошло на деле чудо и святой Иосиф осенил невинное чрево девушки, то только папа римский мог бы дать дальнейшее развитие делу в порядке естественных законов беременности.

В 1950 году картина «Чудо» совершила переезд через океан. Таможенные американские власти учинили предварительный просмотр. Повидимому, девушка пленила их своей пламенной верой в чудеса. Они пропустили её беспрепятственно. Она затем прошла через специальный высший цензурный комитет, который просматривает решительно все фильмы и задерживает всё, в чём есть хотя бы самый слабый аромат крамолы. Но в этой итальянской картине были только горы и овцы, невинная, как овца, девушка, которая хотя и потеряла к концу картины это своё качество, но всё же сохраняла его в выражении глаз и с точки зрения политической была абсолютно целомудренна. Строгие судьи политической морали, столпы «американского образа жизни», дали итальянской картине визу на американский экран.

В течение 1950 года картина «Чудо» была неоднократно показана на экранах итальянского квартала Нью-Йорка, и никаких чудес от этого не происходило. Люди смотрели, одни хлопали, другие зевали; но все были так глубоко уверены в непогрешимости папы римского и в его высоком авторитете, что никакого соблазна не могло случиться, и никто не уверовал в возможность непредвиденного в такой форме второго пришествия. Верующие были убеждены, что перед тем, как совершиться этому второму пришествию, Ватикан разработает соответствующий церемониал с подробным графиком движения.

Но вот в начале 1951 года некий неосторожный антрепренёр снабдил итальянскую картину титрами на английском языке и выпустил её на общий экран. Тут и разразилось чудо: совершилось второе пришествие святой инквизиции, воскресшей из испанского гроба. В качестве нового Лойолы выступил сам американский кардинал Спеллман. Он проклял картину и её автора. Он разоблачил коварство в невинной девушке и её овцах. Он распознал (господи, спаси нас и помилуй!) «коммуниста» в бородатом, так что вышла в его изображении символическая картина: таинственные «коммунисты» под фальшивой бородой совращают невинную Италию с истинного пути! Вот тебе и заблудшая овечка!

Разгорелись страсти неземные. Очень сдержанно, как и подобает обитателю «Нью-Йорк таймса», повествует о них Босли Кроутер, предоставляя нашему воображению дорисовать картину исступлённой травли фильма американскими фашистами. Тут всё было по ритуалу остервенелой реакции: и крики «Держи коммунистов!»; и обличение недогадливых американских цензоров; и фашистские пикеты перед кинотеатрами, в которых девушка совершала своё чудопадение; и нападения на администрацию кинотеатров; и угрозы сжечь на фашистском костре тех, кто показывает картину.

В своей статье, озаглавленной «Странная история «Чуда» («The strange case of «The Miracle»), Босли Кроутер издаёт слабый писк ропота и протеста. Он и ему подобные молчали, когда изгоняли прогрессивных кинорежиссёров из Голливуда, но теперь он пищит от страха, когда в «коммунизме» обвиняют людей, мирных, как овцы из фильма «Чудо». Он только теперь начинает смутно понимать, что под прикрытием похода против коммунистов американская реакция ведёт кампанию против всего, что сколько-нибудь прогрессивно, против всех честных людей, против всех, кто не участвует в погромной политике американского империализма.

Но, впрочем, в самом неудобном положении оказался Ватикан. Обличения Лойолы-Спеллмана направлены и против него. Из Рима вышел соблазн, смутивший католиков США. Непогрешимый блюститель ключей св. Петра погрешил, обнаружив политическую подслеповатость. Коллегия кардиналов в Ватикане проявила непозволительный либерализм. С позволения высшей католической инстанции вроде как бы рекламируется гражданский брак невинной (ха-ха!) девушки с бородатым мужчиной, по всем признакам «коммунистом»... Куда же смотрел де Гаспери? За что же получает доллары вся итальянская реакция?

Вывод напрашивается сам собой: отобрать заветные ключи у папы Пия XII и передать кардиналу Спеллману. Другими словами, центр международного мракобесия переместился из Рима в Нью-Йорк. Ватикан стал филиалом католического епископата в США. У кого доллары, на том и почиет благословение Ватикана.

Таковы реальные факты американской современности, как две капли воды схожие с чудесами католического средневековья. Впрочем, достаточно бы приделать к картине «Чудо» эпилог с изображением того, как девушку и бородатого сжигают на костре Ку-клукс-клана, чтобы исчез последний остаток фантастики в итальянском фильме.

К. ДЕМИДОВ

«ТУРИСТ» НА ГРАНИЦЕ

В МЯГКИЙ вагон поезда, отправляющегося из Хельсинки в сторону пограничной с СССР станции Вайниккала, вошёл молодой человек. Уже через минуту весь вагон узнал в нём американца. Узнал, как говорят, «по посадке». Приземлившись на мягкий диван, он немедленно положил ноги на противоположное сиденье и закурил сигару, хотя находился в отделении для некурящих.

Снаряжение путешественника выглядело весьма солидно. Объёмистый вещевой мешок, фотоаппарат и другие вещи изобличали в нём человека, который собрался объехать полсвета.

Пассажиры не ошиблись: это был американец Давид Рийвс из города Сан-Антонио, один из тех многочисленных «любителей» суровой финской природы, которые за последнее время устремились сюда из-за океана.

Не требуется пояснять, что более всего американских «туристов» привлекают леса и озёра Финляндии на границе с Советским Союзом.

Герой нашего произведения не обладал оригинальным мышлением и поэтому избрал тот же избитый маршрут. Однако он, несомненно, обладал бóльшим запасом наглости, чем его предшественники.

На одной из станций молодой человек, покинув вагон, продолжал путешествие пешком. Обладая острым нюхом, путешественник безошибочно вышел к границе, ловко миновав пикеты и заставы финских пограничников.

Неизвестно, что́ случилось бы далее, если бы внимание Рийвса не привлёк пограничный столб.

Вид пограничного столба привёл американского «туриста» в восхищение.

— Вот это бизнес! — воскликнул американец.

Ему ясно представилась картина будущего. Вот он возвращается в Штаты, докладывает о результатах своего путешествия, ошеломляет слушателей вымыслами о том, что́ он видел своими глазами в Советском Союзе через пограничную линию.

Начальство спрашивает:

— А где доказательство, что вы были на границе Финляндии и СССР?

И тогда наступает минута триумфа. Рийвс извлекает из вещевого мешка пограничный столб. Сенсация! Газеты печатают посвящённые ему корреспонденции под заголовками: «Человек, укравший пограничный столб», «Охотник за пограничными столбами», «Браво, Рийвс!». Так приходит слава. За славой спешат деньги.

Воровато оглянувшись, Рийвс шагнул к пограничному столбу и попытался его выдернуть. Столб не поддавался. Повздыхав, путешественник оставил столб в покое и забрал только дощечку с надписью.

Что делал молодой человек на границе дальше? Это неизвестно. Известно только, что через некоторое время финские пограничники, обнаружив, что некая нахальная личность под самым носом у них спёрла дощечку с пограничного столба, поспешили на поиски. Без особого труда Рийвс был обнаружен и доставлен в комендатуру.

Случай с похищением надписи с пограничного столба стал известен представителям печати. Американский «турист» предстал перед финским судом. Его приговорили к двум месяцам тюрьмы и 9 тысячам финских марок штрафа.

Говорят, будто Рийвс не очень огорчён этим наказанием. Такой сувенир, как надпись с пограничного столба, плюс фотографии из пограничной зоны стоят штрафа и двух месяцев тюрьмы. Тем более, что суд предложил вскоре тюремное заключение считать условным.

Вяч. СЫСОЕВ

г. Хельсинки.

Рис. В. ГОРЯЕВА

Премьер призывал народ вооружаться...

...и вооружил народ против себя.

Взирая на Лица

СТЕННАЯ ГАЗЕТА СЕКЦИИ САТИРЫ И ЮМОРА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЫХОДИТ В КРОКОДИЛЕ, ПОТОМУ ЧТО УЖЕ ГОД НЕ ВЫХОДИТ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

ЧТО ЖЕ ДЕЛАЛ СЕКРЕТАРИАТ?

Вопрос к «Литературной газете»

«Секретариат Союза писателей своевременно не заметил порочности работы своего органа (комиссия по детской литературе) и не способствовал в нужной степени развитию детской литературы».

(«Литературная газета» от 14 января 1950 года.)

«Секретариат Союза писателей не проявлял повседневного внимания к литературной критике, плохо ей помогал, не боролся с нежеланием отдельных писателей прислушиваться к справедливой критике».

(«Литературная газета» от 25 января 1950 года.)

«Значительная доля вины за положение в журнале «Октябрь» ложится и на секретариат Союза советских писателей, который не занимался журналом».

(«Литературная газета» от 13 мая 1950 года.)

«Секретариат ССП СССР недостаточно руководил работой ССП Татарии».

(«Литературная газета» от 24 мая 1950 года.)

«Президиум и секретариат Союза писателей СССР попрежнему слабо руководят детской литературой, не контролируют по-настоящему выполнение решений тринадцатого пленума, нет достаточной заботы о подготовке детских писателей».

(«Литературная газета» от 29 марта 1951 года.)

«Серьёзный упрёк можно сделать и секретариату Союза советских писателей, который всё ещё недостаточно руководит своими печатными органами».

(«Литературная газета» от 5 мая 1951 года.)

«Слабость работы секций является главным показателем слабости идейно-художественной воспитательной работы среди писателей, и прежде всего среди литературной молодёжи, со стороны секретариата Союза писателей».

(«Литературная газета» от 30 июня 1951 года.)

«За ошибки украинских писателей, за идеологические извращения в украинской литературе в полной мере отвечает и правление Союза писателей СССР, а в первую очередь секретариат».

(«Литературная газета» от 4 августа 1951 года.)

Рис. Г. ВАЛЬКА

А. ПРОКОФЬЕВ

Дружеский шарж И. ИГИНА

Прикрашивая затхлое былое,
Ошибками чернит он пёстрый стих,
И не ленится этой же рукою
Закрашивать ошибки у других.

Не для советского поэта
Малярная работа эта!

НЕЛЮБОПЫТНЫЙ

(По Крылову)

Читая многие стихи и целые книги виднейших украинских прозаиков и поэтов, можно подумать, что нет на Украине ни Донбасса, ни Криворожья, ни мощной социалистической индустрии.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ...

(Произнесена переводчиком с древнекельтского языка Ленчероном)

После длительного и тяжкого разоблачения ушёл из драматургии Аркадий Валентинович Урвакин, автор-переводчик, видный деятель на переводческой ниве и постоянный посетитель Управления по охране авторских прав.

Ушедший обладал крупными хватательными способностями и недюжинным проворством рук и ног. Не зная ни одного иностранного языка и будучи весьма нетвёрд в русском, Аркадий Валентинович тем не менее настойчиво и трудолюбиво переводил да переводил пьесы любых зарубежных драматургов, классические и современные.

Никто лучше его не умел разыскать в недрах библиотек старый, забытый русский перевод и затем выдать его за свой. Для этого Аркадий Валентинович освежал перевод так же, как в дореволюционное время освежали залежавшиеся бутерброды с паюсной икрой буфетные мальчики, то есть путём облизывания языком. Никто лучше его не умел также протолкнуть свой перевод в Комитете по делам искусств, получить разрешение и матушку-визу в Главреперткоме, наладить распространение, проникнуть в театр. Ушедший обладал редким простодушием. Так, до самого последнего дня он полагал, что Лопе де Вега — это фамилии двух драматургов-соавторов: Лопы да Веги. А. В. Урвакин был отзывчивым, чутким товарищем и всегда охотно делился с менее опытными переводчиками своими крупными познаниями в области искусства художественного перевода получаемых денежных сумм на сберкнижку.

Мы уверены, что на своём новом поприще — в области комиссионной торговли — ушедший Аркадий Урвакин будет проявлять ту же энергию и изобретательность, каковую он проявлял в драматургии.

Память о жадных руках и жилистых ногах А. В. Урвакина долго будет жить в сердцах его соратников, кое-где ещё уцелевших.

НА КОНКУРСЕ ПЕСНИ

(Выразительный диалог)

— Каков был конкурс?
— Высшей пробы!
— А сколько премий?
— Двадцать три!
— Распределили их?
— Ещё бы!
— Как?
— Между членами жюри.

К ВОПРОСУ О КРИТИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Молодой возраст.

Солидный.

СЕКЦИОННОЕ

(Посвящается секциям ССП)

Литератор солидной комплекции
Размышлял на досуге о секции:
«Существует она для коллекции,
Хвалят в ней по особой протекции,
В ней критической острой инъекции
Все боятся, как страшной инфекции.
Где же путь к оживлению секции?
К сожаленью, пока лишь...
в проекции!»

— Итак, товарищи, для самокритики соберёмся в следующий раз, после очередной статьи в «Правде» о литературных делах!

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Один беспочвенный поэт
Нас уверяет тридцать лет
(И устно и через печать),
Что жизнь «начнёт» он изучать.

Идут чредой за годом год,
Всё быстро движется вперёд,
Лишь наш беспочвенный пиит
От жизни в стороне стоит.

Под бременем житейских дел
Он поседел и облысел,
Но всё не перестал кричать,
Что жизнь «начнёт» он изучать!

А. СЕРГЕЕВ

—o—

М. РЫЛЬСКИЙ

М. Рыльский, признавая свои ошибки, тут же пытался оправдать их.

(Из материалов пленума правления ССП Украины.)

Дружеский шарж И. ИГИНА

Книжка пудовая,
Давно составленная.
Издание новое,
Дополненное, но не исправленное.

ПОРТРЕТ

«...Одним из своеобразных проявлений национализма является уход от тем современности в далёкое-далёкое прошлое, идеализация старины, наблюдающиеся у отдельных писателей».

(«Правда» от 16 июля 1951 года.)

Глухая ночь...
Строчит стихи
Поэт соломенной стрехи...

Он, скинув модные ботинки,
Надев пижаму цвета беж,
На лире пишущей машинки
Поёт красу крестьянских меж,
Поёт плетни, коморы, лавки,
Убогость нищенских хорóм
И вносит в рукопись поправки
Автоматическим пером.

Стучит машинка. Залит светом
Большой уютный кабинет.
Лежит ковёр у ног поэта.
Блестит начищенный паркет.

Все рамы у картин — богаты.
Вся мебель красная — свежа.
На слепке запорожской хаты
Лежат ключи от гаража...

Перед поэтом — хлеб и сало,
Дары колхозного села,
Где свет чудесный
не кресало —
Электростанция зажгла!

Поэт жуёт весьма лениво
Ломоть колхозного добра,
Презрев простор безмежной нивы,
Комбайны, жатки, трактора.

Справляя нежные поминки
По нищете давнишних хат,
Сидит он, гордый, у машинки
И держит ручку-автомат...

Глухая ночь...
Строчит стихи
Поэт соломенной стрехи...

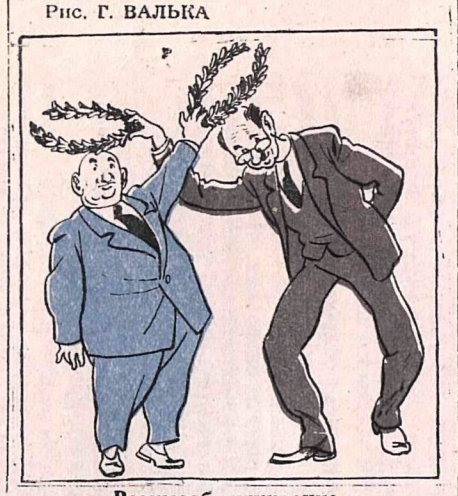
На радиолы ящик стильный
Взобрался кот, смеясь в усы,
Блестит электрохолодильник,
Молчит рояль, гудят часы,
И восхищёнными глазами,
Как старый бес, попавший в рай,
Глядит на чучело в пижаме
Соломоцветный попугай...

А. ИЛЬИН

«Приятель дорогой, здорово!
Где ты был?»
«По Украине я бродил,
Чтоб для своих творений
Набраться свежих впечатлений.
Чего я только не видал!
Такое встретить я совсем
не ожидал!
Какие редкие цветочки!
Какие холмики! Какие бугорочки!
Иные ручейки прозрачней, чем
хрусталь.
Какой простор! Какая даль!
Звонкоголосые порхают в небе
птички —
Чижи и воробьи, красавки и
синички!..»
«А видел ли Донбасс? Каков собой
на взгляд?
Я чай, подумал ты, что чудо
встретил?»
«Да разве там он?» «Там». «Ну,
братец, виноват:
Донбасса я и не приметил!»

НЕ МИХАЙЛОВ

Рис. Г. ВАЛЬКА



Взаимообслуживание.

ПРИКАЗ ПО ДЕПАРТАМЕНТУ

«...Имели место в украинской писательской организации симптомы прямого зажима самокритики, факты избиения за критику, проявившиеся на бюро секции поэтов при обсуждении статьи поэта М. Руденко, попытавшегося критиковать стихи одного из руководителей Союза писателей Украины Любомира Дмитерко...»

(«Литературная газета» от 7 июля 1951 года.)

Коль критикуется зампред,
Клади на критику запрет!
Её развитье любо миру,
Зато не любо Любомиру...

А. СЕРЕГИН

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Начинающий драматург И. Стульников был молод, полон сил и энергии. Он убеждён, что люди всегда исполняют то, о чём говорят на собраниях, а комиссии всегда несут те функции, для несения которых созданы. Любовно выведя на последней странице написанной им пьесы заветное слово «Занавес», драматург ринулся в жизнь.

Что́ последовало за этим, описано в дневнике драматурга:

«25 мая 49 г. Закончил работу над пьесой.

27 мая 49 г. Послал рукопись в Москву, в Комиссию по драматургии Союза советских писателей.

30 июня. Ответа из Москвы нет. Получил отпуск. Решил использовать его для поездки в Москву...»

Дальнейшие записи сбиваются с эпически спокойного тона:

«Секретарша сказала: «Зайдите через два дня...»

«В течение пяти дней ходил в Комиссию по драматургии. Консультантов тт. Басаргина и Чичерова, к сожалению, поймать не удалось...»

Лишь 17 июля прорывается запись, полная оптимистических надежд:

«Записался на приём к Ф. Панфёрову на 20 июля...»

И здесь же:

«20 июля. С 12 до 18 час. ждал Ф. Панфёрова. Не явился...»

23 июля начинающий попал на приём к Панфёрову. Тот назначил ему встречу на 30-е. Тридцатого встреча была перенесена на 1 августа, так как Панфёров дал читать пьесу драматургу А. Сурову.

Это событие отмечено в дневнике:

«1 авг. С 12 до 18 час. ждал Ф. Панфёрова. Снова не пришёл. Разыскал Сурóва. Спросил, читал ли он мою пьесу. Ответил: «Не дочитал. Приходите третьего, поговорим...»

«3 авг. С 11 до 18 час. ждал Ф. Панфёрова и А. Сурова. Оба не явились...» И наконец: «...У меня в кармане ж.-д. билет. Отпуск кончился!..»

Потеряв отпуск, Стульников не потерял надежду и, возвратившись восвояси, сел за работу над новым вариантом пьесы. К этому времени стали приходить отзывы из Союза писателей и Управления драматическими театрами. Консультанты слали автору комплименты:

«Пьеса заслуживает серьёзного внимания. Она интересна по самой теме, по замыслу, по решению некоторых образов...»

«Совершенно очевидно, что пьеса написана не профессиональным литератором, но человеком способным, даже одарённым...»

«Материал, предложенный автором, свеж и мало использован...»

Так, в порядке живой очереди таяли от умиления семь рецензентов Комиссии по драматургии, Главного управления драматических театров и прочих организаций.

Шли месяцы, годы. Не желая хоронить своё детище, Иван Стульников самостийно продолжал трудиться над пьесой. Когда был закончен двадцатый вариант, начинающим заинтересовался театр того города, где он постоянно жил и работал.

Об этом трогательно повествует запись в дневнике:

«17 декабря 50 г. Позвонили из Рижского русского драматического театра. На 21-е назначена читка пьесы. Трудно передать волнение, с которым я пришёл в театр... Все выступавшие высказались положительно о пьесе...»

Здесь бы, казалось, и конец сказке. Ан нет! Снова попал начинающий в Москву.

Надо отдать справедливость министру связи тов. Псурцеву. Он сделал то, на что не хватило времени у всех консультантов. Тов. Псурцев принял драматурга, прочитал пьесу и дал о ней письменный отзыв. В нём говорится, что пьеса «написана с хорошим знанием материала и затрагивает один из актуальных вопросов... которому Министерство связи придаёт большое значение».

Начинающий уехал в Ригу, сжимая в руках экземпляр пьесы с разрешением Главреперткома.

Но вслед за окрылённым автором прилетела в Рижский театр бумажка за подписью начальника отдела театров республиканского и местного подчинения Вс. Пименова. В этой бумажке было написано:

«Главное управление драматических театров консультировало эту пьесу в Министерстве связи. По отзыву инженера связи Москвиной, в пьесе разрабатывается ложная тема, в действительности не имеющая места... Пропагандировать подобного рода вещи не рекомендуется...»

Прочтя бумажку, директор Рижского театра на всякий случай перестал узнавать драматурга. Молодой автор оба столь противоречивых отзыва послал председателю Всесоюзного комитета по делам искусств.

Выяснилось, что Вс. Пименов не только сам не читал пьесы, но и не давал её на консультацию в Министерство связи. В частном порядке её прочитала знакомая Вс. Пименова, работающая «в одном из учреждений связи». Её устное, некомпетентное замечание Вс. Пименов позволил себе изложить на бланке Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, выдав его за точку зрения Министерства связи.

Случай с начинающим драматургом — поистине беспрецедентный. Кому под силу разобраться в этом сложном драматическом конфликте?

Л. НАУМОВ

ОТ РЕДАКЦИИ СТЕНГАЗЕТЫ. По настоятельной просьбе авторов их имена заменены псевдонимами. Художники с такой просьбой не обращались, так как они в Союзе писателей не состоят.

СВЕТА ВОКРУГ

ЯНКИ НА ВЫСОТЕ

Эта «сенсационная» фотография была заснята американским репортёром в Гаване, столице Кубы. На снимке запечатлён тот «исторический» момент, когда подвыпивший матрос с военного корабля США взобрался на памятник национальному герою Кубы Жозе Марти и комфортабельно устроился на голове и плечах статуи. «Символ нашего будущего господства над миром»,— хвастливо написал под снимком херстовский репортёр.

Но народы не допустят осуществления дикого замысла трумэновских гитлеровцев. Памятники национальных героев больших и малых народов никогда не станут пьедесталами для пьяных американских «сверхчеловеков».

ФОРРЕСТОЛ В БАЛЕТЕ

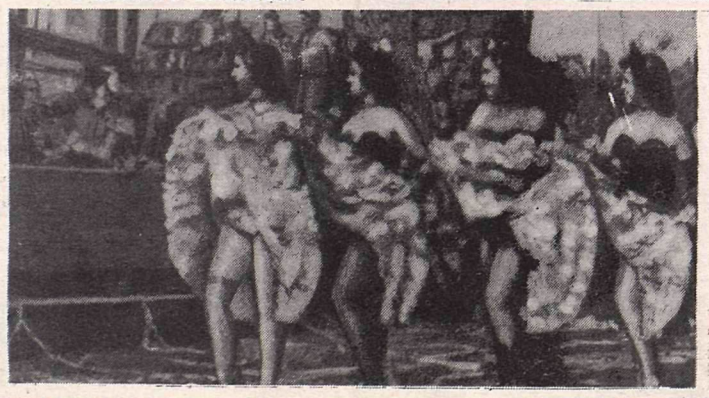
Недавно на гастролях в Париже побывала нью-йоркская балетная труппа. Гвоздём её программы, представленной во дворце Шайо, явился «танец в смирительной рубашке», который исполняла звезда подвалов Бродвея Дороти Хилл. Один парижский журналист в связи с этим иронизировал: «Балерина вполне раскрыла внутренние возможности своего оригинального костюма в отношении танца. Остаётся доказать практичность такой одежды для государственных мужей некоторых стран».

ТОНКОСТИ „ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ“

На первом снимке — потрёпанный, израненный американский солдат перед эвакуацией из Кореи. Его моральное состояние соответствует его виду. На родину он несёт горечь поражения и злобу против тех, кто послал его проливать кровь за 8 тысяч километров от собственного дома, кто обманом и насилием вынудил его участвовать в несправедливой, захватнической войне.

Но заокеанские бизнесмены не хотят, чтобы солдаты вернулись в США озлобленными: это опасно для «внутреннего спокойствия» страны. Поэтому Вашингтонское управление психологической стратегии немало поработало над тем, чтобы найти средства «умаслить» побитых «крестоносцев доллара», заставить их поскорее забыть кровавую трагедию.

На втором снимке мы видим сцену встречи эвакуированных из Кореи солдат в американском порту Сеаттль. На первый план выдвинута тяжёлая артиллерия «психологической стратегии» — взвод кафешантанных танцовщиц... Так Уолл-стрит представляет себе «идеалы» своего «отважного воинства».



КЭРИ ПРОБОЛТАЛСЯ

ПРОФСОЮЗНЫЕ предатели рабочего класса Америки яростно поддерживают излюбленную теорию предпринимателей, будто труд и капитал имеют «общие интересы» и «капитализм незыблем». Руководители АФТ и КПП исключают возможность процветания жизни на земле, в небесах и на море без акул — воротил американского бизнеса.

Когда трумэновское военно-истерическое «чрезвычайное положение» изрядно осточертело американским рабочим, секретарь-казначей КПП Джеймс Кэри выступил по радио с демагогической притчей о спасательной лодке.

«Наша страна,— слезливо сказал Кэри,— находится в спасательной лодке на бурном море...»

Отчего случилась такая пренеприятная оказия с американской страной, Кэри не объяснил. Стоит ли распространяться по поводу того, что профбюрократы КПП и АФТ безоговорочно поддерживают и варварскую агрессию в Корее, и губительную военную программу Уолл-стрита, и паническое «чрезвычайное положение», и сумасшедшую подготовку нового мирового побоища?

Конечно, Джеймсу Кэри не с руки было откровенно рассказать, во имя чего американская жизнь военизирована и вся Америка усажена в спасательную лодку.

В ходе дальнейшего изложения притчи оказалось, что трагическая спасательная лодка является непременной частной собственностью, что она принадлежит владельцу-хапуну, который сдал этот аварийный транспорт тонущему обществу как бы на прокат.

И вот не успели некоторые чрезвычайно напуганные американцы занять места в спасательном суденышке на бурном море военной истерии, как в лодке возникла склока между владельцем и гребцами-галерщиками насчёт средств пропитания.

«Мы верим в доктрину равенства жертв...— радиовещал в своей надувательской притче Кэри.— Мы считаем, что если десять человек находятся в спасательной лодке на бурном море, а владелец лодки требует от остальных девяти взяться за вёсла, причём, чтобы половина имеющегося продовольствия шла ему, вторая же половина — девяти гребцам, то возникнут серьёзные трудности. Сегодня мы находимся именно в таком положении...».

Поистине, для сторонников общности интересов труда и капитала создалось щекотливое положение: голодные галерщики гребут горько-солёную морскую воду, а бессовестный владелец гребёт прибыль.

Даже Кэри, разглагольствующий в спасательной лодке о мифическом «равенстве жертв», вынужден был вскользь упомянуть, что «крупные монополии выжимают из рабочего, фермера и мелкого дельца все соки»...

Казалось, профсоюзные вожди должны призвать гребцов-рабочих объявить войну сотрудничеству с предпринимателями и выступить за мир, за хлеб и за свободу, против военной программы и «чрезвычайного положения», против замораживания заработной платы.

Ничего подобного не произошло. Напротив, реакционные профсоюзные главари попрежнему прославляют американский империализм и даже атакуют своих хозяев-монополистов, обвиняя их в отсутствии... военного энтузиазма.

Председатель КПП Мэррей изобличил промышленников в том, что они якобы ведут пропаганду, направленную против военной программы и усилий правительства. Предатель Кэри, встревоженный подозрениями, что «предпринимаемые усилия в области обороны... не увенчаются успехом», подбадривал владельца лодки:

«Мы готовы внести нашу долю — деньгами, трудом, кровью и, если это необходимо, жертвами...»

Кое-как прошла весна. Наступило лето. Военные спекулянты загребают неслыханные прибыли, а житьё-бытьё галерщиков спасательной лодки беспросветно ухудшается. В середине июня Мэррею пришлось сознаться, что «нынешнее экономическое положение США является критическим».

И всё же исполком АФТ недавно призвал членов профсоюза «принести все жертвы», а изворотливый Кэри, как представитель КПП, холопски просил сенат продлить на два года закон о производстве на оборону.

Ещё в начале прошлого года Кэри принял восторженное участие в конференции, созванной черносотенным «американским легионом» с фантастической целью «уничтожения всемирного коммунизма». Здесь от имени всех профсоюзных реакционеров купленный монополистами Кэри откровенно высказал свои мечты и устремления. Без всяких обиняков он заявил:

«В новой войне мы объединимся с фашистами, чтобы разгромить коммунистов!»

Маска сорвана! Стало ясно, что профсоюзные поджигатели войны открыто перешли в лагерь фашизма и намерены превратить АФТ и КПП в «добровольное общество спасания на водах» американских капиталистов.

М. ПОЛИКАНОВ

Новгородские древности

СОВРЕМЕННЫЕ новгородские просветители любят древность и очень горды тем, что ведут своё начало от древнейшего просветителя земли Новгородской князя Ярослава Мудрого. Они часто ссылаются на своего именитого предка и при всяком удобном случае непрочь козырнуть, что, мол, поучениями у нас, в Новгороде, начали заниматься свыше девяти веков назад. При этом теперешние просветители земли Новгородской не лишены рассудительности.

— Конечно, — скромничают они, — сейчас культурно-просветительную работу вести куда сложней, чем, скажем, при Ярославе Мудром или во времена Василия Буслаева. Теперь что ни район, то дом культуры, что ни село, то клуб да библиотека! Но мы ничего, работаем, справляемся! Вот посмотрите наши достижения, выраженные в цифрах!

И в подтверждение своих слов новгородские просветители, в дальнейшем именуемые руководителями областного отдела культурно-просветительной работы, раскрывают пухлые, как подушки, папки и начинают жонглировать цифрами и сводками.

Цифры увесистые, сводки убедительные; тут и количество и охват, проведённые мероприятия и запланированные. В общем, по свидетельским показаниям тех же сводок и цифр, выходит, что культурно-просветительная работа у потомков Ярослава Мудрого должна бурлить, как вода в роднике.

...Знакомство с работой культурно-просветительных учреждений мы начали не с отдалённых берегов Студёного моря, некогда входивших во владения Господина Великого Новгорода, а с клуба села Подгощи, расположенного всего в полустах километрах от областного центра.

Подгощи — обыкновенное село. Здесь живут и трудятся колхозники и учителя, врачи и механизаторы, служащие и ветеринары. В Подгощах есть партийные и комсомольские организации, сельсовет. В селе своя семилетка, машинно-тракторная станция, библиотека, медицинский и ветеринарный пункты, магазин и даже закусочная.

А вот чего не хватает в Подгощах, так это клуба.

Правда, формально Подгощинский сельский клуб существует и даже, выражаясь бухгалтерским языком, числится у новгородских просветителей на балансе. А фактически он представляет собой какое-то подобие сказочной избушки на курьих ножках без окон и без дверей. Собственно, окна и двери тоже существуют, но окна без стёкол, а покоробившиеся двери нивесть с каких пор не затворяются.

Когда мы вошли в клуб, пол под нами заходил, как трясина на болоте; сквозной ветерок беспрепятственно гулял из угла в угол, играя обрывками бумажных плакатов; на скрипучей сцене сиротливо стоял одинокий стол, поддерживаемый прибитыми крест-накрест кольями.

— Приехали бы вы к нам года два — три назад, — заявила заведующая клубом комсомолка Антонина Сорокина. — Вот тогда жизнь в клубе кипела! Даже старики в кружках участвовали! Грамоты клуб получал!

— Что же теперь случилось?

— Это древняя история. Помещение, сами видите, какое, а ремонтировать никто не хочет. К кому только я не обращалась! Все отбрыкиваются. А в такую развалину, сами посудите, кто пойдёт? Если ногу не поломает, то наверняка грипп схватит!

— А из района кто-нибудь заезжает сюда?

— Председатель райисполкома и секретари райкома партии часто заезжают, но не в клуб, а просто так, по разным хозяйственным кампаниям. На клуб из них никто и внимания не обращает. Есть, говорят, вопросы поважней вашего клуба...

Мы вышли на улицу и невольно зажмурили глаза. В двух десятках шагов от клуба, ставшего древностью, стояла другая древность — церковь, белая, чистая, от которой всё ещё пахло свежей краской...

Директор Подгощинской МТС Нагорный о старых временах знает только по книгам да понаслышке. И, тем не менее, местному батюшке отцу Александру он благоволит не одной собственной душой, но и государственным имуществом. Потребуется отцу Александру по мирским делам съездить в город — к его услугам МТСовская колесница с полной заправкой горючего. Нужно матушке попадье окучить картошку, посаженную на земле МТС, — и жена Нагорного, она же старший агроном МТС, потяпает борозды вместе с матушкой.

В чём дело, почему в селе Подгощи кое-кто проявляет столь необычное пристрастие к древностям? За разъяснением мы обратились к председателю исполкома Шимского райсовета К. Г. Станкевичу.

— Некому у меня заниматься культурно-просветительным делом, — поморщился Станкевич. — Давно мы подбираем нужную нам кандидатуру культпросветчика. И штатная должность для этого есть. Да всё никак не подберём человека. А самому где мне? У самого и без культурных дел голова кругом идёт!

— Да, да! — соглашается во всём и секретарь райкома партии А. Г. Солдатов. — Хозяйственные кампании нам дыхнуть не дают! Буквально заедают! А просветительной работой, честно говоря, ну совсем некогда заниматься!

— У вас же есть отделение Общества по распространению политических и научных знаний. Предложите руководителю Общества, пусть пошлёт лекторов в колхозы.

— Как же я сам себе предложу? Ведь отделение Общества возглавляю я, — признался Солдатов. — И всех своих лекторов я давным-давно направил уполномоченными по хозяйственным кампаниям. Сами понимаете, если я сорву лекции, — это ещё полбеды, а если сорву уборочную, за это по головке не погладят!

Но мы так и не поняли, почему пренебрежительное отношение к культурно-просветительной работе считается только половиной беды, а не всей бедой. Не разъяснил нам этого и заведующий Новгородским областным отделом культурно-просветительной работы И. Ф. Фёдоров.

— Видите ли, — сказал он, всматриваясь в древние стены Новгородского кремля — детинца, — Шимский район не исключение. Руководители ряда других районов страдают таким же недугом... Но мы принимаем меры... Мы уже приняли решения... Вот посмотрите!

И на стол были выложены два решения исполкома Новгородского областного совета, похожие друг на друга, как близнецы. Эти решения указывали прямой путь к перестройке всей культурно-просветительной работы, но...

— Скажите, эти решения выполнены?

Вместо ответа современный просветитель земли Новгородской пожал плечами и развёл руками.

Так добрые решения, написанные не на пергаменте и бересте, а на хорошей бумаге, в Новгороде, по привычке, тоже превращены в древность.

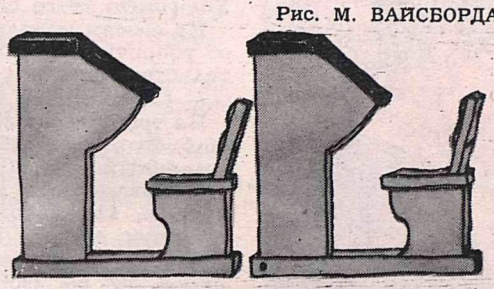
Стоит ли после этого современным новгородским просветителям бахвалиться своим родством с Ярославом Мудрым?

И. КОСТЮКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

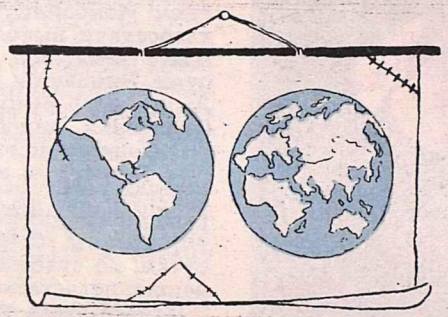
Подгощи — Шимск — Новгород.

МАЛЕНЬКОЕ «НО»

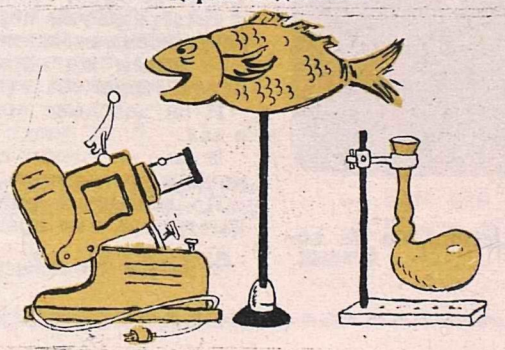
Рис. М. ВАЙСБОРДА



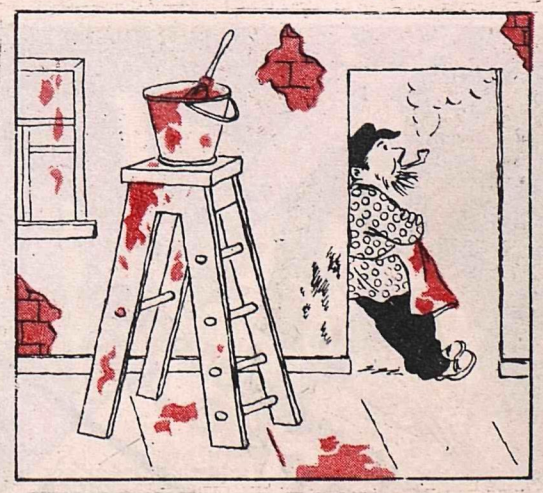
Парты починили.



Карты подклеили.



Даже учебные пособия приобрели.



Но всё это, к сожалению, некуда было ставить, так как школу не успели отремонтировать.

ГЛЯДИ В КОРЕНЬ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА.

— Какой же это первый сорт!

— Конечно, первый! Вы смотрите, гражданка, не на товар, а на этикетку!

ИЛЬЯ-ГРОМОВЕРЖЕЦ

НЕДАВНО, приехав по служебным делам в один из районов, я случайно узнал, что заведующим дорожным отделом местного райисполкома работает Илья Павлович Пидоркин. «Не тот ли это Пидоркин,— подумал я,— который был секретарём исполкома в К. и за подхалимство отстранён от должности?»

Пидоркина я знал как человека тихого, угодливого и больше всего в жизни боявшегося выступать на собраниях. Предложат ему высказаться на каком-нибудь заседании, а он только рукой машет:

— Нет уж, увольте от этой миссии! Я больше по части составления разных решений, директив. А говорить я не мастер.

Красноречие появлялось у Пидоркина только в те дни, когда кто-нибудь из руководящих товарищей выступал с докладом. В прениях Илья Павлович никогда не участвовал, но докладчику не преминет сказать:

— Чудесный доклад вы сегодня сделали! Ни одного словечка я не пропустил, слушая вас. Прекрасно!!!

Таким был секретарь исполкома Пидоркин. Но о заведующем дорожным отделом Пидоркине я услышал совсем другое.

— О, Илья Павлович! — многозначительно сказали нам в одном из местных учреждений.— Илья-громовержец! Работает, правда, так себе. Дороги и мосты в нашем районе неважные. Но оратор блестящий! Критикует невзирая на лица. Да вот,— улыбаясь добавил нам собеседник,— приходите завтра на сессию исполкома. Услышите этого соловья.

На сессии исполкома слушался доклад председателя исполкома об уборочной кампании. Как только доклад закончился, председательствующий объявил:

— Слово имеет товарищ Пидоркин!

На трибуне появился Илья Павлович. Он! Попрежнему полный, ещё более раздобревший. Брови строго нахмурены, взгляд серьёзный.

— Товарищи! — начал Илья Павлович.— Дело в части уборки урожая, как доложил нам председатель райисполкома товарищ Кравчук, обстоит неважно...

Оратор сделал короткую паузу и вдруг решительно взмахнул рукой, как бы что-то раз и навсегда пресекая:

— Надо нам, товарищи, покончить с этим позорным отставанием! Комбайны простаивают, зерно мы очищаем медленно, план хлебосдачи выполняем недостаточно. А кто виноват, товарищи? Мы с вами, ибо мы плохо организуем работу, плохо контролируем. Виноват и наш председатель исполкома товарищ Кравчук. Да, да, надо решительно и прямо в глаза сказать, что вы, Семён Сидорович, виноваты и крепко виноваты!

Пидоркин снова сделал паузу и грозно продолжал:

— Я обвиняю вас, Семён Сидорович, в том, что вы с нас мало требуете! Да, да, товарищ Кравчук, вы проявляете к нам излишнюю снисходительность, стремитесь сами всё охватить! Мы знаем, что вы, Семён Сидорович, работаете по тридцать часов в сутки, но требовательности у вас мало. И это один из немногих ваших недостатков — надо прямо сказать!

Председатель исполкома благосклонно и немного грустно покачивал головой, точно выражая своё согласие с критикой. А Пидоркин уже перешёл на задушевный тон и, заканчивая свою речь, проникновенно воскликнул:

— Будем же на высоте своих задач, чтобы наш район был передовым в области!

И он довольно ловко, при своей тучности, сбежал по лесенке в зал.

В зале явственно слышались иронические смешки. Видно, и тут начали разгадывать Илью Павловича.

Но, говорят, и сейчас Пидоркин числится активистом-оратором. Выступает, как правило, первым.

В. ШАМША

г. Бобров, Воронежской области.

Рис. М. ЧЕРЁМНЫХ

ДОСАДНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ

Отдел партийной и комсомольской жизни.

Отдел рабочей жизни.

ПАПИНЫ ПИСЬМА

ПЕРЕД нами четыре письма.

Первое датировано 31 декабря 1948 года:

«Добрый день, дочка! Ты пишешь, чтобы ты приехала, приехать я тебе не разрешаю. С приветом Купцов».

Проходит 1949 год. Дочь продолжает писать отцу. Она просит папу приехать или позволить навестить его.

Но любвеобильный папа не торопится с ответом. Ему некогда. Он работает на большом заводе на ответственной должности. И так он с трудом, раз в году, урывает несколько минут, чтобы ответить своей дорогой дочурке!..

23 декабря 1949 года, опять накануне Нового года, папа вспоминает наконец, что у него есть дочь, и спешит её поздравить:

«Добрый день, Эммочка! Шлю привет, поздравляю с наступающим Новым годом...»

Но радость встречи Нового года у папаши омрачена: дочка, видите ли, посылает ему бесчисленные доплатные письма! С горечью вспоминает папа об истраченных полтинниках и тут же поучает расточительную дочь:

«Меня очень удивляет, почему ты пишешь мне письма доплатные?! Неужели ты думаешь, что я имею много денег?»

Но ещё больше огорчает папу Купцова желание дочери приехать к нему. Этот детский «каприз» грозит папе дополнительными расходами, а на это папа никак не согласится.

«Ты пишешь,— продолжает он,— что хочешь ко мне приехать посмотреть на меня. Во-первых, я не икона, чтобы смотреть на меня. Во-вторых, я не приглашал тебя и пока не думаю. С приветом Купцов».

В 1950 году с папой Купцовым произошла неожиданно резкая перемена: 3 июля он досрочно написал дочери очень ласковое письмо:

«Добрый день, Эммочка! Шлю привет и желаю наилучшего успеха. Тебе нужно отдохнуть, набраться сил и здоровья. Но, увы,— горестно-сетует папа,— тебя я к себе пригласить не могу, потому что не разрешает моя хозяйка. С приветом Купцов».

Что же произошло с папой? Раскаялся? Ему стало стыдно? Ничего подобного: письмами папы заинтересовались партийные организации.

Но, как только гроза миновала, папа остался верен себе и на многочисленные письма дочери ответил ровно через год — 23 июня 1951 года:

«Добрый день, Эммочка! Я с 1 июля уезжаю на курорт... Я знаю, ты хочешь видеть своего старого, седого и лысого папу! Эммочка! Мне срочно нужно курортное лечение, если я этого не сделаю, то меня на почве нервной системы может ударить паралич. С приветом Купцов».

Папа Купцов не жалеет мрачных красок, чтобы описать дочери свою дряхлую старость и недуги, которые внезапно свалились на его «седую и лысую голову». Дочка должна понять, что при нынешнем положении волновать бедного папу нельзя, а потому о приезде к отцу нечего и думать.

После такой психологической подготовки папа спокойно отбывает на курорт, где он сможет отдохнуть от писем дочери...

Перед нами четыре письма. Как много в них ценных и полезных мыслей о бережливом отношении к деньгам, о бережливом отношении к собственному здоровью и даже чувствам! И невольно рука тянется к перу, чтобы написать автору писем несколько тёплых строк:

г. Тула, ул. Чернышевского, 38, Купцову М. Л.

Уважаемый папа!

Вы утверждаете, что вы не икона и вас нечего показывать. Охотно соглашаемся с тем, что вы не икона. Но показывать вас нужно, как явление чрезвычайно редкое.

Ал. МИХАЙЛОВ

МЕХАНИЧЕСКИЙ ПОДХОД

На некоторых предприятиях беседы и доклады проводятся на отвлечённые темы, не связанные с жизнью производства.

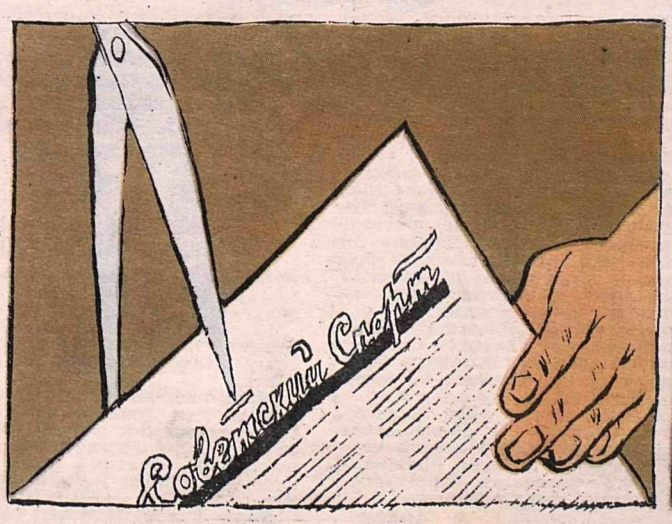
Рис. А. БАЖЕНОВА

— Вам всё понятно!

— Почти. Непонятно только, зачем всё это нам нужно знать!

(РАБОЧИЙ ДЕНЬ В РЕДАКЦИИ ОДНОЙ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ)

Отдел литературы.



Отдел спорта.

Отдел местной жизни.

ИНОСТРАННОЕ СЛОВО

Что такое идиосинкразия? Что означает это иностранное слово? С такими вопросами обратилась к нам группа читателей. Отвечаем на эти вопросы.

В 1949 году на территории Обелевского сельсовета, Костромской области, начали строить колхозную гидроэлектростанцию. Во главе строительства был поставлен Н. И. Исупов — мужчина с меланхолическим характером, в течение долгого времени пытавшийся утопить своё мрачное настроение в вине. Возможно, что эти усилия увенчались бы в конце концов успехом, но примерно через год, убедившись в несостоятельности Исупова, вышестоящее начальство освободило его от работы.

Ушёл Н. И. Исупов, пришёл А. Н. Лямин, страстный поклонник широких масштабов. Новый начальник сосредоточил все свои недюжинные силы на создании при своей особе могучего штата обслуживающего персонала. Поскольку природа в деревне не вызывала у А. Н. Лямина ярких впечатлений, он чаще всего пребывал не на строительной площадке, а в городе Костроме. Именно по этой причине формирование штатов началось с шофёров. Итак, при особе начальника состояли: три шофёра (для поездок в областной центр из села и обратно), механик (для ремонта автомашин), два сторожа (для охраны тех же машин), два тракториста (на всякий случай), два десятника, уборщица, помощник кочегара и т. д.

Штат солидный, а стройка ни с места! И когда выяснилось, что Лямин стóит Исупова, директор костромской конторы «Главсельэлектро» Михаил Павлович Смирнов, в ведении которого находится строительство ГЭС, решил обновить руководство.

Ушёл А. Н. Лямин, пришёл А. А. Цветков — человек, болеющий за дело, но впервые выступающий в роли начальника такого строительства. Может быть, работа у него и двинулась бы вперёд, если бы М. П. Смирнов помог ему. Но беда в том, что одно лишь упоминание о вышеуказанной ГЭС вызывает у М. П. Смирнова необычайное раздражение. Поэтому, оберегая своё здоровье, он на других площадках бывает, а строительство, которым руководит тов. Цветков, объезжает за много километров.

Вот такая повышенная чувствительность к определённой стройке, мучающая Михаила Павловича, и называется идиосинкразией. А то, что происходит на строительной площадке Обелевского сельсовета, называется на русском языке безобразием, за которое виновные должны понести ответственность без всякой скидки на их повышенную чувствительность.

И. ШУТОВ,
В. ДОРОНИН

ЧЕЛОВЕК С ПОРТФЕЛЕМ

Действие происходит в колхозе имени Молотова, Северо-Осетинской АССР. В дверях колхозной мельницы появляется некая личность с огромным портфелем.

— Абисалов, представитель республиканского комитета мер и весов, иначе говоря, ревизор измерительных приборов, — рекомендует себя личность и приступает к работе.

— Э-ге-ге!— грозно восклицает ревизор.— Что это у вас такое: весы или старая лобогрейка? Нехорошо, очень нехорошо! Придётся протокольчик сочинить.

Мельник стоит бледный от испуга, а Абисалов, переменив тон, продолжает:

— Ведь что стоит мне подвести вас под соответствующую статью Уголовного кодекса? Чирк — и готово! Но я так полагаю: с хорошими людьми всегда можно договориться. Кстати, я ещё не успел сегодня пообедать. За обедом и поговорим.

Действие переносится в колхоз Змейской станицы. Абисалов проверяет состояние весового хозяйства.

— Плохо, очень плохо!— зловеще тянет он, исподволь бросая взоры на встревоженных руководителей колхоза.— Дело пахнет соответствующей статьёй Уголовного кодекса. Но, как говорится, хорошие люди всегда найдут общий язык. У вас, говорят, в этом году много клубники уродилось? И ещё, говорят, у вас в подвале выдержанный рислинг хранится? В чём же дело?

Контора «Заготживсырьё» Кировского района. Абисалов рассматривает ржавые весы и скорбно качает головой:

— А-яй-яй, как неладно! Придётся актик составить. Но забудьте на минуту, что перед вами ревизор. Короче: мне нужен кроеный товар на сапоги. Как это провернуть?

— Очень просто,— отвечает директор конторы,— сдайте шкуру и доплатите, что причитается, деньгами.

— Шкуру?! — изумлённо вскидывает брови Абисалов.— С кого же мне её содр.., Впрочем, это я улажу. А деньги уж вы сами внесите. Иначе вынужден буду обратиться к соответствующей статье Уголовного кодекса...

Нельзя ли в конце концов помочь этому ревизору и действительно обратиться к Уголовному кодексу? Только пусть уж лучше это сделает прокурор, а не Абисалов.

Бор. ШЕЛЕПОВ

г. Дзауджикау.

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

Управление Полиграфиздата при Совете министров Азербайджанской ССР снабдило газету Ждановского района новой плоскопечатной машиной и любезным письмом:

«О получении машины просим сообщить нам для командировки к вам механика».

Было это в апреле. Редакция газеты сообщила немедленно. Продолжала сообщать и в мае, и в июне, и в июле. По телеграфу, по телефону и по почте. И получала приятные ответы:

«Командируем через два дня», «Пошлём на днях».

Этими обещаниями управление не ограничилось. Вскоре оно обрадовало редакцию ещё одним письмом:

«Телеграфно поставьте нас в известность о прибытии машины для высылки монтажной бригады. Нач. управления Гейдарлы».

Не исключена возможность, что в январе или феврале будущего года, после «очередной постановки в известность», щедрый начальник пообещает выслать весь монтажный цех. О командировке механика умолчит: он, видимо, нужен управлению для монтажа не новой печатной, а бюрократической машины.

И. КОНСТАНТИНОВ

ЗАВОЕВАТЕЛЬ ОГОРОДОВ

Обычно отвод участков под огороды является делом сугубо мирным и спокойным.

Но не везде так. В Кореневском районе, Курской области, в это дело был привнесён элемент некоторой агрессивности. Жене ответственного работника тов. Малахова неожиданно понравился участок, возделанный местным врачом Жданенко.

И вот для удовлетворения этого не вполне законного желания последовало соответствующее распоряжение. Выполнить его поручили заведующему райкомхозом Паханову.

В одно апрельское утро Паханов в воинственном настроении и в сопровождении председателя поселкового совета Чеховского прибыл на облюбованный участок и повёл энергичное наступление на него.

Хозяин усадьбы, врач Жданенко, тщетно пытался приостановить наступательные действия неукротимого завоевателя огорода. Паханов ответил на это новой атакой: ударом в грудь и шрапнелью ругательств он заставил врача отступить на неподготовленные позиции.

Торжествующий Паханов на райисполкомовских лошадях въехал на завоёванную территорию и перепахал её на установленную агротехникой глубину...

Пословица гласит: «Что посеешь, то и пожнёшь». В Кореневском районе и в неё будут внесены изменения: посеяны, скажем, морковь и огурцы, а пожинать придётся... взыскание за самоуправство.

И. АЛЕЕВ

Некоторые заведующие районными электростанциями в целях получения премии за экономию выключают свет в квартирах.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Я за экономию электроэнергии получил премию пятьсот рублей!

— Благодарю! Я из-за твоей экономии успела рублей на шестьсот керосина сжечь!

УТИЛЬСНАБ

Что̀ взоры жадные искали в лиловой дымке волжской дали через широкое окно?

Технической верёвки ждали в Казани речники давно.

Верёвка?!. Проза!.. Ей ли оду писать восторженно, друзья?

Но без верёвки черпать воду с буксира или с теплохода ведром пожарным всё ж нельзя!

Нуждались в леерном устройстве брандвахты, пристани, суда...

Вот потому-то с беспокойством верёвки ждали здесь тогда. Такой, чтоб вёдра можно вынуть, чтоб утопающему кинуть и быть уверенным всегда, что тяжесть выдержит верёвка!

И вот — ура! — пришла обновка! Три бухты. Весом сто кило. Заботу как рукой сняло! Все на техническом участке, не пряча искр весёлых глаз, готовы приступить к оснастке без промедления, сейчас!

Прочь упаковку с первой бухты!

И... все носы зажали вдруг, невольно вскрикнув разом:

— Ух ты! Ну и верёвка! Ну и дух!

Верёвка в плесени и гнили такой струила «аромат», что каждый думал: не уйти ли, покамест нос ещё зажат?

— Но, может быть, сойдёт такая? Отмоет грязь вода реки?

Увы, верёвка, вся гнилая, рвалась на мелкие куски.

И все сошлись в одном вопросе, который тут же был решён: как утопающему бросить, что нужно просто бросить вон?

И, вновь упаковав верёвку (иметь такую не расчёт!), ей тут же выдали путёвку: обратно, в Горький, в «Снабречфлот»!

Верёвка пахнет: гниль,— понятно! Но почему, скажите, вдруг сама работа «Снабречфлота» приобрела сей неприятный, торгашеский какой-то дух?

А. СТОВРАЦКИЙ

В ЗАЩИТУ А. П. ЧЕХОВА

Антону Павловичу Чехову публично предъявлено тяжкое обвинение... в бюрократизме.

12 июля в передовой статье ивнянской районной газеты (Курская область) можно было прочесть:

«Недостаточно занимается вопросом уборки райсельхозотдел. Вместо организации работы на местах он руководит из кабинета «старым чеховским методом» подписания и посылки никому не нужных писем и директив».

Когда Антон Павлович руководил из кабинета? Когда и кому он подписывал «никому не нужные письма и директивы»? Всё это известно одному лишь ивнянскому редактору А. В. Рыкунову. Почему же тов. Рыкунов, располагая никому не известными до сих пор документами, скрывает такие подробности чеховской биографии.

Про таких, как А. В. Рыкунов, Чехов сказал бы словами своей героини:

«— Они хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном».

ПО ТУ СТОРОНУ ФУТБОЛЬНОГО ПОЛЯ

Итак, у семипалатинцев большая радость: в их городе, возвращаясь из Алма-Аты, остановилась футбольная команда «Пищевик» Петропавловского мясокомбината. Как не воспользоваться этим счастливым обстоятельством и не пригласить гостей на товарищескую встречу! Конечно, воспользовались и пригласили.

Игра началась не на футбольном поле, а в завкоме Семипалатинского комбината. На первых порах в ней приняли участие только председатель завкома тов. Назарова и представитель приезжей команды тов. Шамейко. Шамейко сразу же предложил острую комбинацию: состязание состоится, если его команде будет уплачено полторы тысячи рублей независимо от результатов сбора. На это Назарова ответила метким ударом: дескать, существуют общеустановленные условия — шестьдесят процентов кассовой выручки. Удар! Шамейко отказался. Назарова назвала другую цифру — гарантию в тысячу рублей. Почувствовав слабое место противника (желавшего во что бы то ни стало удовлетворить просьбу рабочих комбината об организации футбольных состязаний), Шамейко перешёл в наступление. Назарова отступила и приняла кабальные условия.

Счёт стал 1 : 0 в пользу Шамейко.

Но вот и 20 июля, вот наконец наступил долгожданный вечер. 18 часов 30 минут — начало состязаний. Зрители заняли места на трибунах. Игроки переоделись. Но на футбольное поле никто не выходит.

Однако игра в это время уже шла. Происходила она за кулисами стадиона, и опять-таки в ней участвовали лишь Назарова и Шамейко. С первой же минуты игры инициативу захватил Шамейко. Находясь в крепкой спортивной форме, он потребовал уплаты всех денег сразу же после первой половины игры. Новый удар! Гости стали снимать с себя майки. Борьба приняла напряжённый характер. Не давая противнику опомниться, Шамейко заявил, что если деньги не будут внесены, петропавловцы покинут поле.

Положение Назаровой стало критическим: билетов было продано меньше, чем на полторы тысячи рублей. Чтобы спасти положение, она предложила гостям все вырученные кассой деньги, а остальную сумму обязалась внести на следующий день. На приезжих футболистах опять появились снятые перед этим майки. Но Шамейко прочно удерживал в своих руках инициативу: «Деньги — или мы уезжаем!»

Состязания были отменены, но Шамейко вышел из игры победителем со счётом 2 : 0.

Мы, однако, не можем признать этот счёт правильным, так как петропавловцы допустили ряд запрещённых приёмов (рвачество, грубость и др.). Окончательные результаты несостоявшихся состязаний подведёт, видимо, ЦК профсоюза мясо-молочной промышленности. Думаем, что эти результаты будут не в пользу Шамейко и его команды.

И. МИШИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В апреле 1951 года развалились и рухнули три комнаты здания, в котором работает прокуратура Центрального района Ташкента. Ничего удивительного в этом событии нет: здание было построено во времена, именуемые незапамятными. Удивительно лишь то, что не развалилась последняя, четвёртая комната. Туда и переселился аппарат прокуратуры. Однако стены и этой комнаты изъявляют непреодолимое желание рухнуть.

Граждане, нуждающиеся в услугах прокуратуры, не решаются посещать её убежище.

Разумеется, всё это было принято во внимание органами власти. Райисполком вынес решение переселить прокуратуру в другой дом. Горисполком подтвердил это решение. Совет министров республики постановил предоставить прокуратуре помещение в трёхдневный срок. Короче говоря, «были приняты меры».

Это хорошо. Жаль только, что принятые меры вполне уместились в ящиках канцелярских столов и никуда оттуда не передвигаются. Там и уютно им и спокойно: столы не рухнут.

К. ГАРАНИНА,
помощник райпрокурора
г. Ташкент.

Уважаемый Крокодил!

Два крупных события произошли в жизни нашего ремесленного училища № 22.

29 июня 1948 года исполнилось пятьдесят лет со дня организации училища, а 29 июня 1951 года исполнилось три года со дня опубликования специального приказа Министерства трудовых резервов СССР, отмечающего эту знаменательную дату.

Неловко вспоминать, но приходится. Ведь в этом приказе, если помнят в министерстве, обещаны были юбиляру подарки: два комплекта музыкальных инструментов, два приёмника и один баян. Где же они? Кажется, времени прошло немало, а музыкальных инструментов всё нет. А жаль! Ребятам из училища страсть как хотелось разучить торжественный марш в честь заботливого и внимательного шефа.

А. БЕЛЯЕВ,
директор ремесленного училища
г. Сим,
Челябинской области.

Товарищ Крокодил!

Электросбыт Ленэнерго направляет своим потребителям письма, в которых предлагает не позднее 5-го числа каждого месяца с нарочным высылать отчёт по форме № 3—6 в г. Ленинград, Марсово поле, д. № 1, комната № 105.

Поскольку такие командировки не предусмотрены сметами административно-управленческих расходов, просим тебя войти с ходатайством перед всеми министерствами и особенно перед Министерством финансов о разрешении столь необходимых 12 командировок в год по каждому периферийному предприятию — потребителю электроэнергии. Я думаю, при твоём ходатайстве просьба всех периферийных потребителей будет удовлетворена.

Простой подсчёт показывает, что для отправки формы № 3—6 нарочным потребуется всего каких-нибудь 2 миллиона 400 тысяч рублей.

С такой суммой можно послать нарочного не только на Марсово поле, дом № 1, а, пожалуй, и на Марс.

С. ЮРЬЕВ

Подпорожье,
Ленинградской области.

Дорогой Крокодил!

А не приедешь ли к нам, в село Васильевское, Рузского района, Московской области? Живописное и знаменитое село: у нас тут Александр Иванович Герцен жил. Здесь санаторий его имени, дом отдыха, три пионерских лагеря. Многие приезжают на лето отдохнуть.

Как проехать?

Вот как. С поезда сойдёшь, иди напрямик к Москве-реке на переправу. Кликни с того берега Марфу Ивановну и, если она не спит, уговори её подать лодку. А не удастся разбудить лодочницу, не унывай: вплавь можно перебраться. Ну, а если не силён в плавании, сиди на берегу. Может, появится какая-нибудь лодчонка. Перевоз у нас тут частно-коммерческий — целковый за 50 метров. Налегке проехать можно.

Дачникам с вещами худо. Привезут вещи свои к берегу, а потом форсируют реку, кто как сумеет, кому как повезёт. Насчёт моста или парома наш райисполком ещё ничего не решал.

Н. КРИКУНОВ

с. Васильевское,
Рузского района,
Московской области.

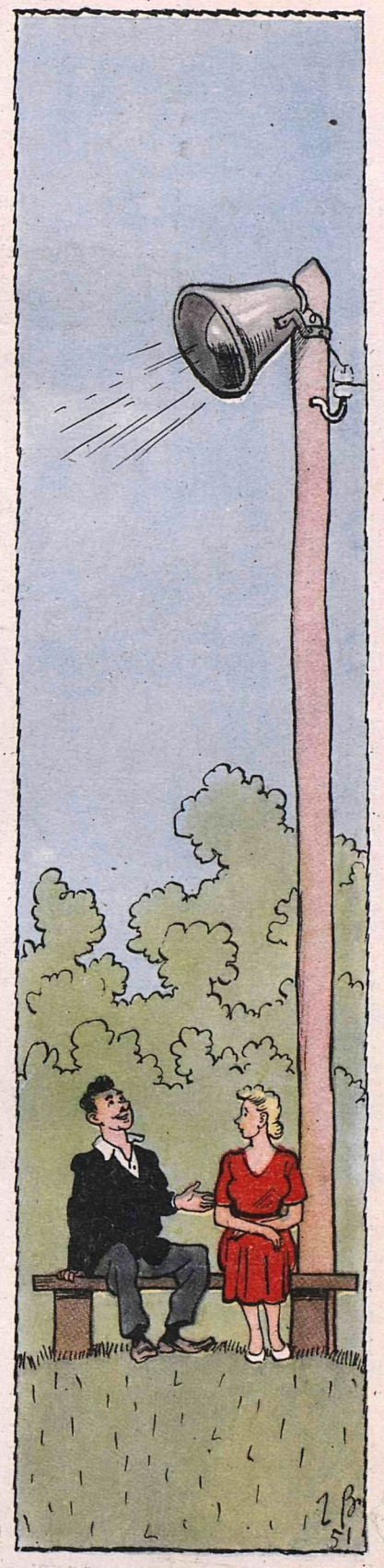
КРОКОДИЛ ПОМОГ

О В № 17 Крокодил просил слова по поводу недостатков, допущенных при проведении Всесоюзного социалистического соревнования работников связи.

Как сообщают, министр связи СССР тов. Псурцев и председатель ЦК профсоюза работников связи тов. Юсупов, коллегия министерства и президиум ЦК на совместном заседании приняли решение об устранении указанных недостатков.

ХОРОШИЙ СЛУХ

Рис. Г. ВАЛЬКА



— Как ты узнаёшь, что передают?

— Очень просто: когда репродуктор хрипит,— значит, идёт доклад, а если свистит и дребезжит,— значит, музыка!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 471. Подписано к печати 11/VIII 1951 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07405 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1930. Тираж 300 000 экз.

40 21 АВГ. 1951

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

Всесоюзная Книжная Палата Обяз. экземпл. 1951 г.
8586 ж

Бор. Ефимов – 51.